

*Эта книга — о крушении планов,
о помощи незнакомцев и о том, как иногда
мы находим море там, где совсем не ждём.*

Елена Сноу
**ПЕРЕЕЗД,
КОТОРОГО НЕ БЫЛО**
автофикшн

Елена Сноу

Переезд, которого не было

«Автор»

2026

Сноу Е.

Переезд, которого не было / Е. Сноу — «Автор», 2026

У неё три билета до Анталии, два чемодана, двое детей и полгода планов на новую жизнь у моря. Утром 26 марта 2020 года она выходит из дома, чтобы никогда сюда не вернуться. Но этот день распорядится иначе. То, что должно было стать самым счастливым переездом, превращается в череду событий, которые она не могла предсказать даже в кошмаре. Ей придётся столкнуться с тем, чего не ждёшь от собственной страны, от людей и от самой себя. «Переезд, которого не было» — это роман о том, как рушатся планы, но не рушится человек. О выборе между «как хотелось» и «как получилось». И о том, что настоящий переезд иногда случается не с телом, а с душой.

© Сноу Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Пролог. Море внутри	6
Глава 1. Звонок, который изменил все	10
Глава 2. Прощание с родным городом	16
Глава 3. Как нас сняли с рейса	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Переезд, которого не было

Посвящение

Тем, кто был рядом в тот день —в Шереметьево, на автовокзале, в метро и на Ленинградском. Тем, кто не прошёл мимо.

Моим детям —за смех на детской площадке посреди пустого аэропорта.

И каждому, кто хоть разсобирал чемоданы в обратную сторону — и всё-таки доехал до моря.

Пролог. Море внутри

За окнами моей квартиры умирал март. Серый, мокрый, продуваемый балтийским ветром, он словно и не собирался уступать место весне. Я стояла у окна, прижав ладонь к холодному стеклу, и смотрела на пустой двор. Стекло запотело от моего дыхания, и я машинально нарисовала на нем пальцем букву «М» — не задумываясь, что она значит. Море. Мама. Мечта. Всё вместе. Небо висело низко, тяжело, обещая то ли дождь, то ли мокрый снег. И в этом небе не было ни малейшего просвета — как и в моей жизни, если смотреть на нее из этой квартиры, из этой бесконечной череды одинаковых дней.

Где-то в кухне бормотал телевизор, оставленный с вечера. Я слышала обрывки фраз: «вспышка в Ухане», «введены ограничения», «ВОЗ объявила». Тогда я ещё не придавала значения этим словам, они были просто фоном, шумом из другого мира. Я даже не обернулась на звук — просто выключила телевизор, не дослушав.

Я стояла в ванной. Горячая вода лилась сверху, заливая плечи, спину, запутываясь в волосах и стекая ручейками по позвоночнику. Пар окутывал зеркало, делая его матовым, и моё отражение расплывалось — смутный силуэт, женщина без лица, без прошлого, без сомнений. Я подставила лицо под струи, и вода на секунду перекрыла доступ воздуха — крошечная, безопасная асфиксия, которая заставила сердце ударить быстрее. Я любила этот момент: мир исчезал, оставался только шум воды и тепло, обволакивающее, почти материнское. А потом я отстранилась, глотая воздух, и вместе с ним вернулась я сама — обновленная, чистая, способная снова мечтать. Вода ещё бежала по спине, а я уже стояла, прикрыв глаза, и видела

Аэропорт. Пулково. Мы идем по залу вылета — я, дети, и чемоданы, которые грохочут колёсами по мраморному полу. Вокруг — люди, объявления, суета, но я ничего не слышу. Я вижу только свет в конце телетрапа — яркий, белый, обещающий. Я захожу в самолет. Сажусь у иллюминатора. Двигатели режут, самолет разгоняется по полосе, всё быстрее, быстрее, и — отрыв. Та секунда, когда шасси перестает касаться земли. В ушах — легкий звон, пустота в животе, будто летишь вниз с качелей. А потом — свобода. Небо. Солнце. Море.

Море. Я видела его так ясно, словно уже была там. Я не просто видела — я чувствовала его всей кожей. Лазурное, искрящееся, живое, оно плескалось о белый песок, накатывало волнами и отступало, оставляя пену и ракушки. Я слышала, как волны с шипением втягиваются в гальку, как кричат чайки где-то высоко, как ветер шуршит в кронах пиний. Чувствовала запах соли и нагретых сосновых иголок, йодистый, густой, совсем не похожий на промозглую сырость балтийского побережья. Солнце лежало на плечах, как тёплый платок, и я кожей ощущала его прикосновение — мягкое, ласковое, долгожданное. Дети бежали по берегу босиком, смеялись, брызгались, падали в воду, и я слышала их смех — такой звонкий, такой счастливый, какой бывает только на море. А я стояла по колено в теплой, ласковой воде, шурилась от солнца и чувствовала, как внутри разливается что-то давно забытое. Покой. Тишина. Дом. Не квартира с серыми стенами, не город с мокрым асфальтом и вечной моросью. Дом — там, где душа перестаёт мерзнуть.

Откуда взялась эта мечта? Она не была внезапным порывом. Она росла во мне годами, как медленное растение, которое пробивается сквозь асфальт. Я помню свою первую встречу с настоящим морем. Мне было семь, и родители взяли меня в Анапу. Ехали почти трое суток в плацкарте, я спала на верхней полке и считала столбы за окном. А потом — утро, и мама будит меня словами: «Смотри, это море». Я прилипла к окну и увидела синюю полосу на горизонте, которая становилась всё шире, всё ближе, пока не превратилась в огромное, бесконечное, живое пространство воды и света. Я не могла оторвать глаз. Не могла поверить. И тогда, в семь лет, я сжала в кулаке край простыни и дала себе слово: когда-нибудь я буду жить у моря.

Не приезжать на две недели в год, задыхаясь от счастья и глотая слезы при отъезде, а просыпаться с ним каждый день. Видеть его из окна. Слышать его во сне.

Это обещание стало моим компасом. Я сверяла с ним каждый важный выбор — учёбу, работу, замужество. И всегда находились причины отложить: сначала институт, потом карьера, потом рождение детей. Мечта становилась всё более далекой, как берег, от которого отчалил корабль. Но она никогда не исчезала совсем. Она ждала. И однажды, глядя в серое питерское небо, я поняла: если не сейчас, то никогда. Море не придёт ко мне само. Нужно идти к нему.

Я открыла глаза. Зеркало всё ещё было мутным. Ванна наполнилась паром. Вода остывала — я не знала, сколько простояла так. Пять минут? Десять? Полчаса? Время исчезло. Пальцы на ногах онемели от холода, и я пошевелила ими, возвращаясь в тело. Я всё ещё была там, на берегу, босиком, в тёплой воде. И возвращаться не хотелось. Но я вернулась. Выключила воду. Вытерлась. Надела халат. Прошла на кухню.

Дети спали. Дочка — свернувшись калачиком, прижимая к себе плюшевого зайца с оторванным ухом. Она всегда спала так — будто пряталась от мира, сворачиваясь в маленький клубок, который не развернуть даже во сне. Её дыхание было тихим и ровным, и только ресницы иногда вздрагивали, выдавая сновидения. Заяц с оторванным ухом лежал рядом, прижатый к щеке, — вечный спутник, свидетель всех наших бед и радостей. Сын — раскинувшись звездой на всю кровать, сбросив одеяло на пол. Он и во сне занимал максимум пространства, как будто боялся, что ему не хватит места. Я подняла одеяло, укрыла его, и он что-то пробормотал, не просыпаясь. «Мам, я сам» — кажется, так. Даже во сне он спорил со мной и пытался всё делать по-своему. В квартире было тихо. Только холодильник гудел где-то на заднем плане. Запах остывшего чая и вчерашних бутербродов ещё витал в воздухе, смешиваясь с ароматом моих духов — я душилась перед ванной, по привычке, как будто собиралась на работу. Странный, домашний запах, который я так любила и от которого так устала.

Я села за стол. Достала дневник. Перелистнула страницы — исписанные, с загнутыми уголками, с пятнами от пролитого когда-то чая. Открыла новую. И написала.

А за моим окном серый и такой величественный город. Улицы, которые буквально пропитаны историей этого края. Город, в который миллионы туристов со всего мира прилетают, чтобы прочувствовать его. Город, в котором миллионы романтических душ мечтают встречать рассветы, признаваться в любви, играть свадьбы. В этом прекрасном городе я родилась. Здесь я росла и познавала радости и печали жизни. Здесь я узнала, что такое боль утраты, первая любовь, предательство близкого друга, каково быть женой, что такое счастье материнства. Здесь происходили самые радостные события моей жизни. Здесь я достигала своих успехов, которыми можно гордиться. Здесь я познала жизненные драмы, горькие потери, разочарования, падения и преодолела все трудности, с которыми меня столкнула жизнь. И сейчас я смотрю на него и прощаюсь с ним. Без сожаления, но с трепетом.

Этот город хранит часть моей жизни. Она не лучше и не хуже, чем та, которую мне предстоит еще прожить. Он дорог мне. Здесь все мои друзья, мои родные и близкие люди. Вот только душа зовёт меня в другие края. Я люблю север, но всю свою жизнь я жила с мечтой уехать в тёплые края. Когда-то меня здесь держали друзья, с которыми не хотелось расставаться. Когда-то дела, которые я вела в тот момент. И вот, однажды я поняла: если не сейчас, то может так случиться, что никогда я не смогу осуществить свою мечту. А мечты нужно осуществлять, слушая зов сердца. Только оно подскажет, как тебе быть на самом деле. Пройдёт всего несколько лет, и меня станут держать подросшие дети, устоявшиеся рабочие отношения и многое другое. Особенно возраст. Годы не стоят на месте. С каждым годом нам всё труднее становится менять свою жизнь, особенно кардинально. А сейчас я могу расправить крылья, взмахнуть ими и улететь вперёд, к мечте!

А в голове множество мыслей, словно узор зимой на окне. И все такие разные, переплетенные. Мысли о возможностях, мысли о сомнениях, мысли о страхе неизвестности. Страшно?

Конечно. Я вспомнила тот вечер, когда впервые сказала мужу о своем плане. Он сидел на диване, смотрел телевизор и даже не сразу обернулся. Потом выключил звук, повернулся ко мне и спросил: «Ты серьезно?» — «Серьезно». — «А дети? Школа? А если не получится?» Я отвечала что-то про онлайн-обучение, про то, что всегда можно вернуться, про то, что лучше попробовать и пожалеть, чем не попробовать и жалеть всю жизнь. Он слушал, кивал, но я видела: он не верит. Или не хочет верить. Или просто боится за нас. До сих пор не знаю, что именно.

Но знаете что? Ведь если не сделаешь всего один шаг, то не научишься ходить. А если не напишешь первое слово в своей жизни, то не научишься писать. И пусть шаг кривой будет, а слово с ошибками, ведь в итоге ты получишь опыт и знания, которые когда-то приведут тебя к успеху. Нет, не все меня поддержали. А разве мнение окружающих решает, как тебе быть и как поступать? Самые близкие люди могут тебя сдерживать иногда, даже искренне желая тебе счастья, подталкивать тебя к неверному пути.

И вот я улетаю, прощаясь с родным краем. Искренне желая своей маме как можно скорее меня простить и принять мое решение, довериться мне и моему мироощущению. Прощаюсь не навсегда, обещая возвращаться так же, как перелетные птицы. Я лечу вперед к осуществлению мечты, к трудному и нелегкому пути по построению своей жизни, к совершенно новому этапу своей жизни. И во мне живёт вера, надежда, любовь и сила моего духа.

Я закрыла дневник. Прижала его к груди. Обложка была чуть шершавой, нагретой от рук, и я подержала её так, у сердца, считая удары — раз, два, три, — пока дыхание не выровнялось. И почувствовала, как внутри — впервые за долгое время — что-то сдвинулось с мёртвой точки. Я сделала первый шаг. Я сказала «да» своей мечте.

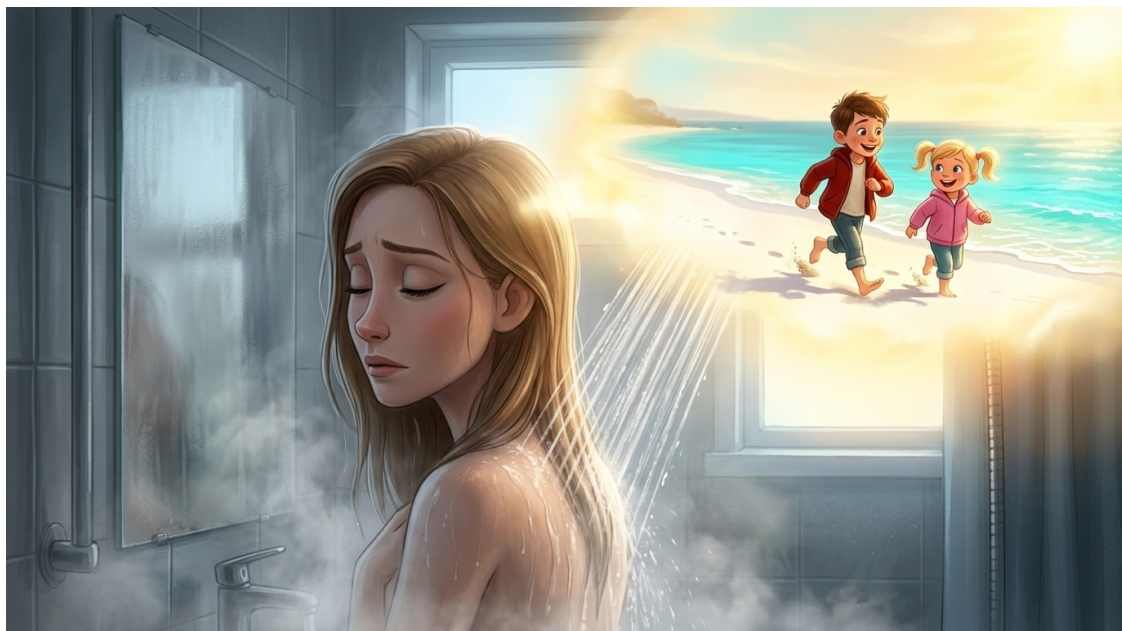
В этот момент за окном, на детской площадке, зажегся фонарь. Его жёлтый свет прорезал серые сумерки, лег на мокрый асфальт, и вдруг я поняла: этот город не отпускает меня просто так. Он тоже прощается со мной. Посылает мне этот свет, это напоминание о том, что я здесь выросла, здесь стала собой. И теперь я ухожу, унося его часть с собой.

Через четыре месяца мы стояли в Пулково, у стойки регистрации. Через четыре месяца я смотрела на три посадочных талона в своей руке и не верила, что этот день настал. Сборы, документы, прощания, слезы, улыбки, последние прогулки по набережным, последние объятия с друзьями — всё осталось позади. Всё сжалось до трёх бумажных прямоугольников с нашими именами.

И где-то на краю сознания, как далекий гром, прозвучала новость, услышанная утром: «Италия полностью закрыла границы». Я не придавала ей значения. Италия далеко. С нами такого не случится.

Я не знала тогда, что пандемия уже дышала в спину. Не знала, что через несколько часов в моём паспорте появятся красные штампы «Аннулировано», а плечи, расправленные сейчас для полёта, будут ныть от тяжести девяноста килограммов чемоданов. Что нас снимут с рейса. Что мечта разобьётся, и мы застрянем в пустом Шереметьево.

Но это будет потом. А сейчас — я просто стояла в ванной и видела море. И этого было достаточно, чтобы сделать шаг.

Глава 1. Звонок, который изменил все

Больше полугода я планировала этот переезд. Полгода я жила с мыслью, что скоро — море. Настоящее. Средиземное. Не Балтика с ее ледяным ветром, который пробирает до костей даже в апреле, а тёплые волны, в которые можно зайти босиком и не вздрогнуть. Я просыпалась с этой мыслью, как с первым лучом, пробивающимся сквозь шторы, и засыпала с ней же, прижав ладонь к груди, туда, где под рёбрами уже поселилось предвкушение. Оно было похоже на лёгкое щекотание — не тревожное, а радостное, как у ребёнка перед днём рождения. Полгода я собирала документы, переводила, заверяла, отправляла, ждала ответа — весь этот мучительный бюрократический танец, знакомый каждому, кто хоть раз пытался выехать за границу не туристом.

Я собиралась ехать основательно. Мы планировали жить в Турции по договору аренды, получить туристический вид на жительство — икамет. Я продумывала всё до мелочей. Нашла блоги и форумы, где люди, уже переехавшие, подробно описывали свой опыт: как искать жилье, как составить договор аренды, чтобы его приняли в миграционной службе, какие документы нужны. Я смотрела видео, делала скриншоты, сохраняла списки в заметках на телефоне. Телефон раскалялся от бесконечных открытых вкладок, а большой палец уже машинально находил нужный свайп — я пролистывала сайты с объявлениями так же привычно, как другие листают ленту соцсетей. Оказалось, что икамет по аренде — это не быстро, но реально. Главное — нотариально заверенный договор с копией свидетельства о собственности владельца и копией его удостоверения личности.

Бумажная эпопея развернулась нешуточная. Свидетельства о рождении детей нужно было апостилировать, затем сделать нотариально заверенный перевод на турецкий язык — без этого их не принимали в миграционной службе. Я закладывала на это несколько недель. Помню, как стояла в очереди в нотариальной конторе, прижимая к груди папку с документами, и смотрела на часы. Стрелка ползла медленно, а за окном сеялся мелкий питерский дождь — не то снег, не то вода, что-то серое и бесконечное. «Ради моря», — повторяла я про себя, как мантру. «Ради моря можно потерпеть». И терпела. Страховка на весь срок пребывания, четыре биометрических фото на каждого, анкета на сайте миграционной службы, квитанции об оплате сборов.

Каждое утро я начинала с того, что открывала сайты с объявлениями об аренде. Квартиры, которые я искала, были совсем не похожи на нашу питерскую. Представьте: просторная светлая гостиная с панорамными окнами от пола до потолка, а за ними — море, горы, сосны. Внизу — открытый бассейн, в котором вода голубая до рези в глазах. Спальни небольшие, но уютные, с балконами, увитыми цветущей бугенвиллией. В жилом комплексе — свой сад с апельсиновыми деревьями, хамам, сауна, тренажерный зал. До моря — пять минут пешком через подземный переход, и ты на набережной, а вокруг пальмы, банановые плантации, где-то вдалеке пасутся коровы и слышны крики петухов. Жизнь там течет медленнее, спокойнее. Местные жители сидят на лавочках, пьют чай из маленьких стаканчиков и никуда не спешат. Я переписывалась с хозяевами на ломаном английском, сравнивала районы, мониторила цены. Иногда я ловила себя на том, что уже мысленно расставляю мебель в этих незнакомых комнатах, вешаю шторы, выбираю, куда поставить чайник. Это было почти игрой, почти сумасшествием — но именно эта игра держала меня на плаву в самые серые дни. Завела новые знакомства — списалась в соцсетях с теми, кто уже жил в Турции, спрашивала про школы, про больницы, про то, как устроен быт.

Я не просто мечтала — я готовилась. Мы решили поехать на пробу — на пять месяцев. Пожить, посмотреть, понравится ли нам там. Если понравится — остаться. Если не понравится — вернуться обратно или выбрать какое-то другое направление. Я представляла, как просы-

паюсь утром от шума волн, а не от гула трамвая за окном. Как пью кофе на балконе, глядя на горы, а не на бегу, заливая кипятком в термокружку, пока за окном серый питерский дождь. Как дети плещутся в бассейне во дворе, а потом мы идём на море — не на холодную Балтику с её свинцовыми волнами, а на настоящее, тёплое, живое Средиземное море. Как дочка рисует в своём блокноте пальмы и чайки, а сын сидит с планшетом на балконе и собирает из блоков свою игру про звёзды.

Всё было забронировано. Всё оплачено. Изначально наш вылет был запланирован на третье апреля. Я обвела эту дату красным в календаре и считала дни. Календарь висел на кухне, и каждое утро я подходила к нему с чашкой кофе и зачеркивала прошедший день жирным крестом. Кресты приближались к красному кругу, и от этого внутри всё сжималось и разжималось одновременно — как будто легкие не могли надышаться.

Но в мои планы внезапно вмешалась пандемия.

Сначала это были просто новости — где-то там, в Китае, какой-то вирус. Я не придавала значения. Помню, как мельком увидела репортаж по телевизору: люди в масках, закрытый город, что-то про карантин. Я тогда переключала канал — не потому, что было страшно, а потому что было скучно. Это было где-то далеко и никак не касалось моей жизни. Потом первые случаи в Европе. Италия. Испания. Я читала заголовки, но продолжала паковать вещи. Дети спрашивали: «Мам, а вирус — это опасно?» — «Нет, это далеко, это не про нас». Я отмахивалась. Я не хотела, чтобы что-то испортило нашу мечту.

А потом Италия закрыла границы. Полностью. И внутри что-то щелкнуло — уже не от решимости, а от тревоги. Я помню тот день. Я сидела на кухне, смотрела в телефон, и вдруг — холодок в груди. Не тот, что бывает от сквозняка, а другой — изнутри, будто кто-то медленно провёл ледяным пальцем по позвоночнику. Я сидела, вцепившись в телефон, и перечитывала заголовок снова и снова, словно от повторения он мог измениться. Пока ещё не камень. Пока ещё просто предчувствие.

А потом вышло постановление: Турция запретила ввоз животных. Это произошло незадолго до того, как закрыли границы, — отдельной строкой, отдельной новостью. Я читала её и не верила глазам. Мы ведь готовили Лесси к поездке с самого начала — нашу трехлетнюю чихуахуа. Чипирование, прививки, все документы были оформлены, всё как полагается. Мы даже приучили её к переноске — ставили на пол посреди комнаты, как домик, и ждали. Лесси сначала фыркала и обходила её стороной, но через пару недель уже спала внутри, свернувшись калачиком. Я помню тот момент, когда она впервые зашла туда сама: я сидела на диване и смотрела, как она обнюхивает пластиковую дверцу, недоверчиво заглядывает внутрь, делает шаг, второй — и сворачивается на мягкой подстилке. Я тогда подумала: ну вот, ещё один шаг позади. Мы все готовы.

И вот — новость. Лесси лететь не может. Я смотрела в экран и чувствовала, как земля уходит из-под ног. В горле встал горячий ком, но я сглотнула его — быстро, почти грубо, как глотают горькое лекарство. Но я справилась — быстро, без лишних эмоций. Позвонила Вере, всё объяснила. «Вези», — сказала она просто. И мы отвезли Лесси к ней — с лежанкой, с мисками, с пакетиком любимого корма. Договорились, что позже либо я прилечу и заберу её сама, либо Вера отправит её к нам при первой возможности. Я оставила Лесси на руках у Веры и ушла быстро, не оглядываясь, чтобы не разреветься прямо в прихожей. Уже в лифте, когда двери закрылись, я прижала ладонь ко рту и зажмурилась. Дыши. Просто дыши. Это временно. Мы все скоро встретимся. Но в груди уже поселился холодный червячок тревоги, и он медленно, методично прогрызал себе ход глубже.

С этого дня я следила за новостями иначе. Я просыпалась среди ночи и проверяла телефон. Я знала наизусть статистику заболеваемости в Турции. Я мониторила сайты посольств, авиакомпаний, Роспотребнадзора. Я стала экспертом по пандемии за две недели — и это было самое горькое образование в моей жизни.

Закрытие границ других стран напоминало падающие костяшки домино. Одна за другой. Всё быстрее. И вот уже Европа закрыта. И вот уже слухи о том, что Турция тоже думает. Я звонила в авиакомпанию каждые два дня. Уточняла, переспрашивала, требовала. Мне отвечали одно и то же: «Рейсы выполняются по расписанию. Изменений нет». Но я чувствовала — что-то надвигается. Это чувство было почти физическим: как будто в воздухе сгущается давление перед грозой, и уши закладывает, и все звуки доносятся глухо, издалека.

И вот — ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое марта. Где-то двенадцатый час. Дети спят. Сын разметался по кровати, сбросил одеяло; дочка свернулась калачиком, прижимая к себе плюшевого зайца с оторванным ухом — того самого, которого не разрешает выбросить, потому что «он же живой, мам». А я сижу на кухне в полумраке. Передо мной — чашка остывшего чая, ноутбук и телефон. Свет от экрана падает на мое лицо, и я вижу в чёрном зеркале выключенного ноутбука свое отражение — бледное, осунувшееся, с темными кругами под глазами. Женщина, которая боится. Женщина, которая еще не знает, что через несколько минут ее жизнь перевернется.

Звонок. Номер — московский. Авиакомпания.

— Здравствуйте. Мы вынуждены сообщить вам об изменениях в расписании рейсов. С 27 марта мы прекращаем полеты по данному направлению. Вы можете полететь любым рейсом раньше. Какой день вам будет удобнее?

В голове — белый шум. Такой бывает, когда долго стоишь под душем, и вода заливают уши, и все звуки превращаются в один сплошной гул. Я быстро считаю. Наш рейс — третьего апреля. До него ещё восемь дней — и я была уверена, что мы успеваем. Думала, что пандемия — это где-то далеко, что нас она не коснется. Но когда сообщили, что полёты прекращают с 27 марта, до меня наконец дошло: третье апреля уже не случится. Значит, лететь надо завтра или послезавтра. Сегодня уже ночь, на часах начало суток 25 марта. Если выбирать 25-е — я не успею собраться, это просто нереально. Единственный вариант — послезавтра, 26 марта. Либо мы летим двадцать шестого, либо не летим уже никогда.

— Пожалуй, 26 марта.

— Одну минуточку.

И в трубке снова — брендовая мелодия авиакомпании, которую я к тому моменту знала наизусть. Эта мелодия будет потом сниться мне в кошмарах — лёгкая, беззаботная, как будто издевательская. Я сидела, прижимая трубку к уху, и ждала. Минута. Две. Три. Секунды капали

медленно, как вода из неплотно закрытого крана, и каждая отдавалась ударом сердца где-то в горле.

— Спасибо за ожидание. Ваши документы доступны для скачивания в личном кабинете. Ваш вылет — 26 марта, 8:45, Пулково — Анталия, пересадка в Шереметьево, минимальная стыковка — полтора часа. У вас остались ещё вопросы?

Полтора часа. Я мысленно прокручиваю в голове аэропорт Шереметьево. Мы никогда там не были с детьми. У нас будет полтора часа, чтобы найти нужный терминал, пройти контроль, не потерять багаж, не потерять друг друга. Это очень мало. Но это единственный вариант. Других рейсов нет. Послезавтра — тишина. Послезавтра — закрытое небо.

— Нет. Спасибо.

Я кладу трубку. В квартире — тишина. Дети спят. Я сижу и смотрю на телефон, и внутри меня — странная пустота. Не облегчение, не страх, а именно пустота: как будто всё, что копилося последние дни, разом схлынуло, оставив после себя вакуум. Они не знают, что завтра их жизнь перевернется. Что послезавтра они увидят море — или не увидят ничего.

У меня чуть больше суток. Чуть больше суток, чтобы собрать всю нашу жизнь и уместить её в чемоданы.

Я тут же набираю Веру — ту самую, у которой Лесси. Коротко, без лишних слов: «Мы вылетаем 26-го. Сможешь помочь со сборами?» Она говорит: «Конечно». В её голосе я слышу ту же тревогу, что и в своём, но она ничего не спрашивает, не отговаривает. Просто «конечно». И от этого короткого слова что-то отпустило под рёбрами — та самая струна, которую я держала натянутой последние часы. Потом звоню Диме. Он отвечает не сразу, и в голове проносятся: «Только бы взял трубку, только бы не спал». Берет. Я объясняю ситуацию — он молчит секунду, потом говорит: «Я буду утром». И в этом «буду» — никаких вопросов, никаких сомнений. Только поддержка. Та самая, ради которой мы, возможно, и остались людьми, перестав быть супругами.

Весь следующий день — 25 марта — прошёл как в тумане. Я проснулась рано, еще до будильника. Тело ломило, голова была тяжёлая. Но мне некогда было болеть. Я встала, умылась ледяной водой и начала сборы. Вода обожгла лицо, и на секунду я задержала ладони у глаз, чувствуя, как холод проникает сквозь веки, прогоняя остатки сна. Потом посмотрела в зеркало. Оттуда смотрела женщина с решительным, почти ожесточенным лицом. «Ты справишься», — сказала я ей. Она не ответила.

Первым делом — кухня. Я открывала шкафы и понимала, сколько же здесь всего. Тарелки, которые мы покупали вместе с мужем. Кружки: одна с трещиной — я всё равно её храню, она из первого совместного отпуска, из Крыма. Кастрюли, сковородки, контейнеры. Я брала в руки каждую вещь, и она была теплой от воспоминаний. Вот эту кастрюлю я купила, когда была беременна сыном. Вот эта кружка — с отбитой ручкой — помнила наши первые семейные чаепития. Я заворачивала их в газету, в пузырчатую плёнку, и каждая вещь, уложенная в коробку, была не просто предметом — куском прожитой жизни, который я оставляла здесь.

Потом — гостиная. Книги. О, сколько же у меня книг! Я складывала их в коробки и подписывала маркером: «Книги — отправить». Маркер скрипел по картону, и этот звук — резкий, скребущий — казался мне звуком прощания. Я ставила коробки одну на другую, и в комнате росла стена. Стена из моей прошлой жизни.

Спальня. Одежда. Две кучи: «с собой» и «потом». «С собой» — только самое нужное. Лёгкое. Летнее. «Потом» — тёплые свитера, зимние куртки. Всё, что напоминает о холоде.

Дети помогали как могли. Сын складывал свои вещи — футболки, планшет, тетради. Он всё сортировал по цветам. «Мам, это как в Scratch, — сказал он, — у каждого блока своё место. Красные — движение, синие — звук. Я запомнил». Я посмотрела на его серьёзное лицо, на то, как он аккуратно, почти педантично раскладывает футболки, и в груди что-то сжалось. Мой

маленький программист. Мой сын, который даже хаос сборов превращает в систему. Дочка крутилась рядом и что-то рисовала в своём блокноте — пальму и кружочки, которые должны были изображать море. Она высунула кончик языка от усердия и так увлеклась, что не заметила, как испачкала щёку фломастером. Синяя полоса, как дорога, ведущая от губ к виску.

Вера и Дима пришли утром, как и обещали. Вера взяла на себя кухню. Заодно принесла фотографию Лесси: наша трехлетняя чихуахуа лежала на диване в её квартире, прикрыв нос лапой. «С ней всё хорошо», — сказала Вера, и я кивнула, проглатывая ком в горле. Дима складывал коробки в углу гостиной, одну на другую, молча, методично. Один раз он поднял на меня глаза — и я прочитала в них вопрос, который он так и не задал вслух: «Ты точно этого хочешь?» Я отвернулась. Я не знала, как ответить.

Да. Точно. Может, и не хочу, но точно должна.

К вечеру 25 марта квартира опустела. Вещи, что оставались, были сложены по коробкам. Они стояли посреди комнат — аккуратные, подписанные маркером: «Кухня», «Книги», «Детское», «Одежда». Всё, что не уместилось в чемоданы, ждало своего часа. Мы договорились, что эти коробки отвезут на склад, а если что-то понадобится — транспортная компания переправит нам уже на место. Мебель стояла пустая, но это была временная пустота — не брошенная, а замершая в ожидании. В воздухе висела пыль, потревоженная сборами, и в лучах закатного солнца она танцевала, кружилась, как будто и не было никакой трагедии, а просто переезд, просто новый этап.

Сын бегал по комнатам и кричал: «Мама, тут так гулко!» И его голос — звонкий, ещё не уставший — отражался от голых стен, и в этом эхе было что-то щемящее, почти невыносимое.

Три огромных чемодана, три дорожные сумки, сумка с ноутбуком, сумка с фотоаппаратом, рюкзаки. Сил нет. Я упала на кровать и провалилась в сон. Сон был глухим, без сновидений — просто темнота, в которую я рухнула, как в пропасть, даже не успев испугаться.

Звенит будильник. Пять утра 26 марта. Я бужу детей. Дочка плачет — не хочет вставать, капризничает. Я обнимаю её, глажу по голове, шепчу: «Тише, моя хорошая, тише. Сейчас умоемся, и всё пройдёт. Мама рядом». Завтрак на скорую руку. Проверяю документы — всё на месте. Паспорта лежат в отдельном кармане рюкзака — три бордовые книжечки, от которых сейчас зависит всё. Я проверяю их по очереди, перелистываю страницы, и каждая виза, каждый штамп — как веха на пути к морю.

Мы спускаемся во двор. Мартовский воздух холодный, влажный. Я прощаюсь с городом. Такси уже ждёт.— В аэропорт. Пулково.

Машина трогается. Я смотрю в окно на удаляющиеся улицы. Где-то там — мама, которая ещё не знает, что я улетаю не на неделю. Где-то там — Вера с Лесси. А впереди — Пулково, Шереметьево, Анталия.

Водитель включает радио, и оттуда льётся какая-то старая песня — про море, про лето, про любовь. Я слушаю её и улыбаюсь. Может быть, это знак. Может быть, всё будет хорошо.

Я ещё не знаю, что через несколько часов всё пойдёт не так. Но это будет потом. А сейчас — я лечу к мечте.

Глава 2. Прощание с родным городом

Дети мирно спали всю дорогу до аэропорта. Сын привалился головой к окну, приоткрыв рот и смешно посапывая — он всегда так спит, с тех пор как был младенцем. Его дыхание запотевало на стекле, оставляя маленький влажный овал, который быстро таял. Я смотрела на этот исчезающий след и думала: вот так и мы — только что были здесь, и уже нет. Дочка устроилась у него на плече, свернувшись калачиком, поджав коленки к груди и прижимая к себе плюшевого зайца с оторванным ухом. А я не спала. Я не могла спать. Я сидела на переднем сиденье, пристегнутая ремнем, и смотрела на город.

Мы ехали по пустым улицам. Мартовский Петербург перед рассветом — это особенное зрелище. Фонари ещё горят, их желтый свет отражается в лужах на асфальте, и кажется, что город подсвечен снизу, как театральная декорация. Витрины магазинов темны. Дворники замерли у обочин, опершись на мётлы. Светофоры мигают желтым вхолостую — машин почти нет, город словно вымер. И в этой тишине, в этом безлюдье было что-то величественное. Что-то, от чего сжималось сердце.

Водитель такси — пожилой мужчина в клетчатой кепке — вел машину молча. Он не включал радио, не задавал вопросов, и я была благодарна ему за это молчание. Только один раз, когда мы остановились на светофоре, он покосился на меня и сказал негромко: «Хороший город. Жалко уезжать?» — «Жалко», — ответила я. Он кивнул и больше ничего не спрашивал. И в этом коротком «жалко» было всё: и любовь, и грусть, и та особая питерская сдержанность, которая не позволяет говорить лишнего.

Я запоминала его. Я впитывала его глазами — каждую улицу, каждый переулок, каждый мост. Я не просто смотрела — я трогала город взглядом, как слепой трогает лицо любимого человека, пытаюсь навсегда запечатлеть его черты. Вот проспект Стачек, по которому я сто раз ездила в центр. Вот Обводный канал — хмурый, серый, с масляными разводами на воде, но такой родной, что щемит в груди. Я вспомнила, как однажды, студенткой, шла вдоль этого канала поздней осенью и думала о человеке, который разбил мне сердце. Тогда мне казалось, что жизнь кончена. А сейчас я улыбнулась тому воспоминанию — нет, жизнь не кончилась. Она просто шла дальше, как вода в этом канале. Вот Исаакий — его золотой купол едва виден в предрассветной дымке, он словно парит над городом, как мираж. Я прощалась с ними. С

каждым поворотом, с каждым кварталом, с каждым светофором. Я не знала, когда увижу их снова. Месяц? Полгода? Год? Никто не знал. Граница между странами должна была закрыться — об этом говорили все новости, все эксперты, все знакомые. Я понимала: если я сейчас улечу, обратный билет может оказаться просто бумажкой. Я могу застрять там — не на запланированные пять месяцев, а на год. Или больше. И я была к этому готова. Я приняла это решение не вчера. Я сжала руки в замок — побелели костяшки — и сказала себе: «Я лечу. Я не передумую. Я не поверну назад».

На набережной Лейтенанта Шмидта горел свет в каком-то окне. Одно-единственное окно на всю линию тёмных фасадов. Я почему-то подумала о маме. Она сейчас, наверное, спит, не зная, что её дочь уже несётся через пустой город к аэропорту. Я ещё не сказала ей. Я собиралась позвонить уже оттуда, с юга, когда всё будет решено. Трус ли я? Может быть. А может, просто боялась, что её голос — тот самый, который я слышала с детства, — заставит меня усомниться. И я не хотела сомневаться. Не сейчас.

Аэропорт Пулково встретил нас непривычной тишиной. Ни толп, ни очередей, ни суеты. Я помню этот аэропорт другим — шумным, гудящим, полным людей с чемоданами на колёсиках, которые спешат, толкаются, смеются, фотографируются на фоне табло. Сейчас же он стоял полупустой, гулкий, словно заброшенный вокзал. Наши шаги эхом отдавались от мраморного пола. Редкие пассажиры — кто в маске, кто без — жались по углам, стараясь держаться друг от друга подальше. Все смотрели с подозрением. Никто не улыбался. Воздух был пропитан страхом — невидимым, но осязаемым. Его можно было потрогать. Его можно было вдохнуть.

Я вдохнула. Пахло кондиционированным воздухом, полиролью для пола и чем-то ещё — едва уловимым, кисловатым запахом стресса, который источают люди, когда боятся. Я почувствовала, как мои собственные плечи поднимаются, прижимаются к ушам, и заставила их опуститься — усилием, как заставляют себя разжать челюсть. Тело уже знало то, чего я ещё не хотела признавать.

Я крепче сжала руку сына. Он поднял на меня глаза — серые, ясные, совсем как у меня. «Мам, а почему так мало людей?» — спросил он. «Потому что мы рано приехали», — соврала я. И улыбнулась. Я всегда улыбаюсь, когда вру.

Мы нашли стойку регистрации. Очереди почти не было. Я выложила паспорта — свой, детские. Девушка на стойке была в перчатках и маске — первая ласточка нового мира. Маска была надета так плотно, что я видела только её глаза — уставшие, с красными прожилками, как у человека, который не спал всю смену. Она двигалась механически, словно заводная кукла, и я вдруг поймала себя на том, что смотрю на её перчатки — белые, хрустящие, с катышками от частого использования. Как много рук прошло через неё сегодня? Сколько паспортов? Скольких людей она уже отправила в полёт, который, возможно, никогда не состоится? Она долго что-то проверяла, хмурилась, переспрашивала. Моё сердце замерло. Я почувствовала, как немеют кончики пальцев — всегда немеют, когда жду плохих новостей. А вдруг за ночь что-то изменилось? А вдруг рейс отменили?

— Всё в порядке? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Да. Только у вас перевес багажа. Два чемодана из трёх превышают норму. Нужна доплата. — Сколько? Она назвала сумму. Я помню, как у меня перехватило дыхание. Эта цифра была почти равна стоимости ещё двух билетов. Почти столько же, сколько я отдала за весь перелет. Я смотрела на экран терминала, где горели цифры, и в голове билась одна мысль: «У меня хватит? А если нет? Что тогда?» Я не знала точного баланса карты. Деньги уходили в последние недели стремительно — на сборы, на документы, на Лесси. Я зажмурилась на секунду, представила, как сейчас провалится оплата, и девушка скажет: «Извините, вы не можете лететь». Потом открыла глаза. Достала карточку. Провела по терминалу. Набрала пин-код. Руки дрожали.

— Оплачено. — Спасибо. Вот ваши посадочные талоны. Посадка через сорок минут. Гейт номер четырнадцать.

Я не запомнила номер. Переспросила. Потом еще раз. И стояла, смотрела на три посадочных талона в своей руке. Три бумажки. Три билета в новую жизнь. Бумага была тонкой, чуть шершавой, и я провела большим пальцем по краю, чувствуя, как он режет. Острая грань — как грань между прошлым и будущим.

Нас провожал папа. Дима. Человек, с которым мы прошли через многое — любовь, разочарование, развод, попытки остаться друзьями. Сейчас он стоял перед нами — непривычно тихий, непривычно серьезный. Я заметила, что он небрит. Щетина на подбородке была чуть длиннее обычного — наверное, тоже не спал, собирался впопыхах. В руке он держал пакет — что-то из еды, купленное в последний момент. Бутерброды, шоколадка, сок. «Детям в самолёт», — сказал он, протягивая пакет мне. Я взяла. Пакет был тёплым от его руки. Он присел на корточки, чтобы быть вровень с детьми. Обнял сына — крепко, по-мужски, сдержанно. Потом дочку — она повисла у него на шее и не хотела отпускать. «Пап, а ты к нам приедешь?» — спросила она, и её голос дрогнул. «Обязательно. Как только границы откроют». — «А когда их откроют?» — «Скоро. Очень скоро». Он врал. Мы оба это знали. Но ребёнку нужна была надежда. И он дал ей эту надежду.

— Вы там хорошо долетите, — сказал он, поднимаясь. Голос дрогнул. — Пишите мне. Звоните. Обязательно звоните. — Будем, — пообещала я. — По видео. — Каждый день? — Каждый день.

Он кивнул. Посмотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видела давно. Не любовь. Не обида. Что-то другое. Может быть, уважение. Может быть, тревога. Может быть, прощание. Он обнял меня — коротко, неловко, но искренне. От него пахло кофе и тем самым одеколоном, который я подарила ему три года назад. На мгновение я прикрыла глаза и снова почувствовала себя женой. А потом открыла — и снова стала просто матерью его детей.

Он ушёл. Я смотрела ему вслед — высокий, чуть сутулый, с руками в карманах. Он обернулся один раз. Помахал. И скрылся за стеклянными дверями.

Дочка заплакала. Тихо, беззвучно, слёзы текли по щекам. Я присела перед ней, вытерла лицо ладонью. Слёзы были горячими, и моя ладонь стала мокрой. Я держала эту влагу на руке, не вытирая, — как последнее, что связывало нас с тем миром, где папа ещё был рядом. «Папа скоро приедет», — сказала я. «Правда?» — «Правда». И это тоже была ложь. Но я уже привыкла.

Гейт никак не находился. Я путалась в указателях, сворачивала не туда, возвращалась. Три тяжелые сумки оттягивали руки. Лямки рюкзака врезались в плечи. Дети устали, капризничали. Сын вдруг начал считать вслух шаги — сначала тихо, потом громче. «Раз, два, три... мам, я считаю, чтобы не бояться, что мы опоздаем». Я не стала его останавливать. Пусть считает, если это помогает. Дочка тем временем прижимала к себе зайца и что-то шептала ему в ухо. Оторванное ухо болталось в такт шагам. Я не слышала слов, но догадывалась: она утешала его, а значит — утешала себя.

Коридор казался бесконечным. Траволаторы стояли, и мы шли по ним, как по обычному полу, только шаги отдавались гулче. Я заметила, что на стенах висят плакаты с рекламой турецких курортов — пальмы, бассейны, улыбающиеся люди в шезлонгах. Ирония была почти жестокой: мы шли мимо этих изображений, и я не знала, увидим ли мы всё это на самом деле.

И вот — нужный гейт. Мы на месте. До посадки — двадцать минут. Я сажаю детей на холодные пластиковые кресла, ставлю сумки у ног. И тут я впервые за утро позволяю себе подумать о главном. Там нас никто не ждёт. Нет встречающих с табличкой, нет заранее готового уютного гнездышка. Только мы, чемоданы и море где-то за горизонтом. Страх шевельнулся где-то внутри — но я не дала ему подняться. Я сама выбрала этот путь, и дети ждали от меня не сомнений, а приключения.

Сын прижался ко мне. Он не говорил ни слова — просто прижался и всё. Я почувствовала, как он дрожит. Не от холода — от напряжения. Я обняла его, погладила по голове. Дочка

сидела на соседнем кресле и рисовала пальцем на пыльном подлокотнике: какие-то круги, линии, волны. «Смотри, мам, это море, — сказала она шёпотом. — А это зайка. Он уже там, ждёт нас». Я улыбнулась. Они всё ещё верили. Они всё ещё ждали. И я не имела права их подвести.

Объявили посадку. Мы проходим первыми. Стюардесса проверяет посадочные, улыбается глазами. Над маской глаза казались огромными, и в них читалось что-то среднее между сочувствием и профессиональной бодростью. «Хорошего полёта», — сказала она, и я кивнула, хотя полёт ещё даже не начался. Мы идём по телетрапу. Шаги гулко отдаются от металлических стен. Сын продолжает считать: «Раз, два, три...» — теперь уже тихо, как молитву. Дочка прижимает зайца к груди. Я не считаю. Я просто иду. Впереди — дверь в самолет.

В салоне — полумрак. Людей совсем немного — человек двадцать, не больше. Пустые кресла, пустые ряды. Я видела, как стюардесса пересчитывает пассажиров, беззвучно шевеля губами. Двадцать три человека на огромный борт. Я никогда не летала в таком пустом самолёте. Было в этом что-то тревожное и одновременно интимное — будто мы не на рейс сели, а на частный чартер. Мы находим свои места у иллюминатора. Я усаживаю детей: дочку к окну, сына посередине. Сумки — на полку. Всё.

Самолёт начинает движение. Сначала медленно, почти незаметно, словно огромный кит, разворачивающийся в тесной гавани. За стеклом иллюминатора проплывают огни аэропорта — желтые, белые, синие, размытые утренней дымкой. Двигатели набирают обороты, и в салоне появляется та особая, чуть тревожная вибрация, которая бывает только перед взлетом. Дети прилипают к иллюминатору, затаив дыхание.

И вот — толчок. Самолет разгоняется по полосе, всё быстрее и быстрее, и вдруг — та самая секунда, когда шасси перестает касаться земли. Секунда невесомости. Секунда, в которой прошлое еще не отпустило, а будущее ещё не наступило. А потом — отрыв. Земля уходит вниз, уменьшается, превращается в игрушечный макет.

В животе — знакомый холодок, как в детстве на качелях, когда взлетаешь вверх и замираешь на мгновение. Я положила ладонь на живот, чувствуя, как он сжимается и разжимается, и почему-то улыбнулась. Этот холодок был приятным. Он означал, что мы действительно летим.

Я смотрю в иллюминатор и не могу оторваться. Петербург лежит под крылом, как старая карта — со своими проспектами, каналами, мостами. Нева — серебряная лента, прошивающая серые кварталы. Исаакий — золотая точка в центре. Васильевский остров — стрелка, указующая в Балтику. Всё это моё, родное, прожитое — уходит вниз, затягивается утренней дымкой, тает в облаках.

Я прижалась лбом к холодному пластику иллюминатора. Стекло было ледяным — от него ломило висок, но я не отодвигалась. Я хотела запомнить этот вид. Хотела унести его с собой, как берут с собой горсть родной земли. Я не знала, вернусь ли. И если вернусь — когда. Будет ли этот город всё тем же? Буду ли я всё той же? И в этой секунде, между небом и землёй, я вдруг почувствовала себя странно свободной. Не потому что улетала. А потому что наконец-то перестала сомневаться.

Облака. Мы врезаемся в них, и на мгновение за окном — только белое молоко, плотное, непроглядное. А потом — солнце. Оно врывается в салон внезапно, ослепительно, заливая всё жёлтым светом. Дети шуряют и смеются. Дочка машет рукой: «Пока, Питер! Пока!» Сын молча смотрит вниз, на исчезающий в облаках город, и я знаю: он запоминает. Он тоже прощается.

Где-то там, внизу, осталась наша пустая квартира с коробками. Осталась мама, которая еще не знает, что я улетела не на неделю. Осталась Вера, у которой спит наша Лесси, свернувшись калачиком на незнакомом диване. Осталась целая жизнь — тридцать с лишним лет, упакованных в три чемодана и три сумки. Осталось прошлое.

А впереди — море. Не Балтика с ее ледяным ветром, а настоящее, живое, солёное. Там, где пальмы, где горы, где апельсиновые сады и крики петухов по утрам. Где никто нас не ждёт — и в то же время ждет целый мир, который мы еще не видели.

Я смотрю на удаляющуюся землю и чувствую, как к горлу подступает ком. Это не страх. Это не грусть. Это что-то третье — прощание, благодарность, надежда, смешанные в один коктейль. Я не плачу. Просто смотрю, как тает внизу серая полоска берега, и молча говорю: «Спасибо. И до встречи».

Дочка повернулась ко мне и спросила: «Мам, а мы правда больше никогда не вернёмся?» — «Почему никогда? Мы обязательно вернёмся». — «А когда?» — «Когда зацветут сады», — сказала я и вдруг поняла, что сама не знаю, что это значит. Просто слова, которые пришли из ниоткуда. Но дочка кивнула, будто поняла, и снова прилипла к иллюминатору.

В этот момент мы уже верили, что скоро будем на той земле, которая станет нам вторым домом. Мы не знали, что ждёт нас в Шереметьево. Что полтора часа стыковки — это приговор. Но это будет потом. А сейчас — мы летим.

Солнце стояло высоко над облаками, и его свет заливал салон, делая всё каким-то нереальным, кинематографичным. Я откинулась в кресле, закрыла глаза и позволила себе просто дышать. В этом дыхании была вся моя жизнь — та, что осталась внизу, и та, что ждала впереди. Я не знала, что будет дальше. Но я знала точно: я сделала шаг. И пока этого было достаточно.

Глава 3. Как нас сняли с рейса

Самолет приземлился в Шереметьево ранним утром. За окном — серое московское небо, мокрая взлётная полоса, редкие постройки аэропорта, теряющиеся в утренней дымке. Дети почти не спали — перелёт из Петербурга в Москву короткий, всего ничего. К тому же стюардесса при посадке выдала им прикольные детские рюкзачки, а внутри — раскраски с фломастерами, маленькие книжки с наклейками, листок с загадками. Так что весь полет они проводились с этими подарками: дочка старательно раскрашивала принцессу в жёлтое и зелёное, а сын, сидя у иллюминатора, разглядывал картинки и пытался отгадать загадки.

Дочка прикусила губу от усердия, а когда раскраска была готова, протянула её мне. Солнце в салатовый, небо в оранжевый — принцесса стояла на берегу моря, и волны плескались у её ног. Я вертела листок в руках и вдруг заметила, что по белому полю идёт едва заметная рябь — дочка так сильно нажимала на фломастеры, что бумага промялась. Будто море и правда дышало.

— Мам, смотри! — дочка протянула мне раскраску. — Это море, а это пальмы, как в Турции!

Я улыбнулась и погладила её по голове. Сын, не отрываясь от загадок, пробормотал: «Тут написано: "Без окон, без дверей, полна горница людей". Это арбуз?» — «Огурец», — подсказала я. «Точно», — кивнул он и записал ответ в блокнот. Я смотрела, как он выводит буквы — старательно, чуть кривовато, и в этом старании было что-то трогательное, почти беззащитное.

Небо за иллюминатором было низким, серым, совсем не похожим на южное. Но дети этого не замечали — они были увлечены.

Едва шасси коснулись полосы, дочка тут же полезла в свой рюкзак за новым листом, а сын быстро убрал раскраску и прилип к иллюминатору: «Мам, мы уже в Турции?» — «Нет, родной. Мы в Москве. Нам ещё пересадка». Он кивнул, но я видела разочарование в его глазах. Он ждал моря. Он ждал солнца. А за окном — всё тот же март, всё та же серость.

Внутри у меня всё сжалось. Не от страха — пока ещё не от страха. От напряжения. Оно поселилось где-то между лопаток, тугое и горячее, как будто кто-то вставил мне в позвоночник металлический стержень и теперь медленно его проворачивает. Я знала: пересадка — это самое уязвимое место во всём нашем путешествии. Именно здесь нас будут проверять. Именно здесь нас могут не пустить. Именно здесь, в этом огромном стеклянном лабиринте, решится всё.

Мы вышли из самолёта. Я нагрузила на себя ручную кладь: три большие дорожные сумки — две на правом плече, одна на левом. Сумка с ноутбуком — крест-накрест через грудь. Сумка с фотоаппаратом — на запястье, болтается, бьёт по бедру при каждом шаге. У детей за спинами — по рюкзаку. У меня — тоже рюкзак, с документами, деньгами, лекарствами, влажными салфетками и бутылкой воды. Вес вдавливал меня в пол, делал ниже ростом, и я чувствовала, как с каждым шагом подошвы кроссовок прилипают к мрамору — не от грязи, а от усталости, которая уже начала просачиваться в каждую мышцу. Чемоданы давно уехали куда-то в багажное отделение, и я надеялась, что они благополучно долетят до Анталии. С собой — только ручная кладь, но даже её вес был не меньше пятнадцати килограммов, и это без учёта детей, которых я ещё должна была отслеживать глазами каждую секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.